

ГАЛИНА СИДОРЕНКО

МИРНЫЕ ГОДЫ, ВОЕННЫЕ ГОДЫ...

Удивительна и парадоксальна человеческая память! Добраться до правды через огромное количество предвзятой и даже недостоверной информации нелегко.

От прошлого нам, во многом, остались обида и боль, непонимание и душевное смятение. Так где же истина? Истина – только в памяти человека.

Когда я родилась, мои родители были молоды, снимали небольшую комнату без удобств и без кухни, зато в самом центре небольшого города Славянска Сталинской области. В углу комнаты за загородкой стоял центр жизни семьи – примус, головка которого постоянно коптила и благоухала керосином на всю округу. По словам родителей, они были счастливы, что так хорошо устроились, но голод в городе заставил отца искать возможность прокормить семью, вернее, не дать ей умереть. Семья переехала в деревню Криничная, отец устроился механиком в МТС (машинно-тракторная станция), а мама не работала, завела козу, ухаживала за небольшим огородом. В качестве оплаты за работу отцу выдали мешок пшена и мешок огурцов. Огурцы были засолены и служили разменной монетой для приобретения раз в неделю небольшого количества хлеба и сахара на пристанционном рынке, куда каждое воскресенье мать ходила или одна, или со мной. Основой пропитания семьи стал мешок пшена: варилась густая пшённая каша, остужалась, резалась на куски – это был и хлеб и закуска и детское питание на каждый день. Пища была достаточно питательная и полезная: несмотря на голод – все остались не только живы, но и вполне здоровы. Странно, но пшённую кашу, сваренную на воде, ем до сих пор с большим удовольствием и считаю её почти целебной.

До школьных лет у меня не было друзей, был только один закадычный друг мальчик, которого звали Игорь, но все называли его Гося. До самой школы мы были неразлучны – вместе лазили по заборам и деревьям, делали набеги на огородные грядки, ожесточённо воевали, в зависимости от времени года, снежками или камнями с соседними ребятами в отместку за их дразнилку “жених и невеста”. В семье Гося царил лёгкий весёлый дух, совсем не похожий на прагматичность нашей семьи, много смеялись, не скупилась на развлечения, у них же появился первый в округе радиоприёмник, который не столько вещал, сколько завывал, когда его настраивали. Но всё равно, с моей точки зрения, это была самая желанная вещь. Мы с Госей по-

---

СИДОРЕНКО Галина Александровна родилась в 1931 году на Украине, в Донбассе. Детство её пришлось на годы войны и немецко-фашистской оккупации. После войны, окончив школу, поступила в авиационный институт, по окончании которого всю жизнь работала по специальности инженер-конструктор на предприятиях оборонной промышленности. Сейчас на пенсии. Живёт в Москве.

шли в школу в один год, но попали в параллельные классы. Наша дружба кончилась.

Здание школы было достаточно красивым – трёхэтажное из красного кирпича с широким парадным входом, высокой нишей на фронтоне, где на колоннах стояли фигурки пионера и пионерки. На каждом этаже были фойе для отдыха и беготни учеников на переменах, широкие коридоры и просторные классы. Через два чёрных выхода на переменах детвора выбегала в большой внутренний двор, от которого был отгорожен недоступный для школьников большой фруктовый сад. Квартира директора школы располагалась в этом же здании на первом этаже, окна выходили во двор и стерегли и наблюдали за всем школьным народом, поэтому особенно шалить или лазить в сад было просто невозможно, тем более директор, Дора Алексеевна, была общим и для детей и для преподавателей строгим кумиром и судьёй. В нашем классе училась её дочь – Марта, сидела на первой парте напротив учительницы. Её русая головка, с самыми длинными в классе косами, едва выглядывала из-за спинки парты – она была маленького роста. Для меня Марта была существом из другого мира, так же как и для большинства детей в классе.

В первые годы учёбы у меня не было близких друзей в классе, ко всем относилась равно и, похоже, старалась определить, кто есть кто. Решительно не помню, с кем сидела за одной партой, знаю только, что считалась дисциплинированным ребёнком, и соседей, девочек и мальчиков, ко мне подсаживали для перевоспитания, ведь мне учёба давалась без особых усилий.

К тому времени относится и осознание того, что дом, в котором живём, маленький и низенький, комнаты с низкими потолками, обстановка убогая, я с завистью смотрела на дома из кирпича на высоких фундаментах, а особым шиком мне представлялась жизнь в квартирах в многоэтажных домах.

Запомнились трудности с одеждой и обувью, – просто негде было купить. Огромным событием стал для меня подарок в виде отреза на платье, который привезла из Москвы уже взрослая, получившая высшее образование двоюродная сестра. Мама сама сшила из этого отреза платьице, оно стало самым праздничным нарядом, к сожалению, только летним. Основную одежду мне шила мама из старых вещей. Помню, мама жаловалась, что никак не может купить ткань на простыни и ситец на летние платья, за такими товарами нужно было отстоять огромные очереди.

При всём при том питались тогда не плохо: рыба, яйца, мясные продукты и куры почти всегда были на столе. Были в доме и конфеты и печенье, покупалось мороженое и даже несколько раз изготавливалось дома. Иногда покупалась икра паюсная чёрная и красная. Чёрная икра меня не привлекала, а красную очень любила и ела её хоть и не в больших количествах, но без хлеба каждую икринку отдельно.

Папа мой не имел не только среднего, но и начального образования. Получив инвалидность по поводу приобретённого во время работы на шахте порока сердца, в период нахождения на пенсии, без права работы, занимался самообразованием. Самостоятельно изучил математику, металловедение, освоил конструирование и черчение до такого уровня, что сумел после частичной реабилитации пойти работать техником-конструктором на местном предприятии, и работал достаточно успешно, продолжая совершенствовать конструкторские навыки. За несколько лет до начала Отечественной войны он уже работал конструктором на крупном станкостроительном заводе в соседнем городе Краматорске, а затем и на вновь построенном гиганте тяжёлого машиностроения – Новокраматорском машиностроительном заводе им. И. В. Сталина (НКМЗ).

От завода на берегу Северного Донца (позже он стал называться Северским Донцом) в живописнейшем месте функционировал дом отдыха выходного дня, и папа часто получал путёвки на себя и маму, меня брали как приложение. Добираться туда было не просто, вставали затемно, ехали рабочим поездом в жуткой тесноте, довольно долго шли пешком по красивой лесной дороге, уставали отчаянно, но всякий раз радовались очередной поездке. Кормили так, что двух порций вполне хватало на нас троих. Думаю, мама неплохо готовила, но детям почему-то нравится еда в чужом доме. Отлично помню, что мне необычайно нравились сваренные вкрутую яйца со сливочным маслом, которые почти регулярно подавались на полдник. Дома ели яйца сваренные всмятку.

В те времена рабочая неделя была построена не по дням недели, а по числам и называлась “пятидневка”. Вот эти “пятидневки” отец и отработывал на станкостроительном заводе в соседнем городе, вставал чуть свет, завтракал и убегал на рабочий поезд. Опоздать на работу было просто невозможно, так как опоздание наказывалось уголовной ответственностью. Однажды, проспав, отец бегом бежал за поездом, догнать который ему удалось на следующей остановке ценой почти полуобморочного состояния. Это событие долго обсуждалось в семье и со знакомыми как чрезвычайное по напряжению сил и счастливому избавлению от трагических последствий.

Возвращался отец с работы в 6 часов, к этому времени мама должна была приготовить обед на печке, которая топилась углём зимой в доме, а летом на улице в “летней кухне” – так называли навес с двумя дощатыми стенами от ветра. На закупку продуктов на рынке и приготовление обеда у мамы уходил весь день.

Все жилые помещения на подворье имели печное отопление и удобства во дворе. Купались в кухне, стоя в корыте, так как бани на подворье не было, только летний душ в виде дощатой загородки без потолка и бочкой для воды наверху. Питьевую воду носили в вёдрах из колодца через два квартала. Воду для хозяйственных нужд с горько-солёным привкусом брали из домашнего колодца со срубом и “журавлём”. Каждую осень в этот колодец дедушка опускал законопаченный бочонок с солёными огурцами, которые выдерживались до весны. Они там так хорошо сохранялись, что весной были похожи на малосольные, крепенькие и хрустящие. Таких необыкновенно вкусных огурцов я больше нигде не пробовала.

Бабушку я отлично помню, так как спали мы в одной маленькой комнате почти впритык и много разговаривали. Она рассказывала о своём девичестве, молодости, о семейной жизни. Дедушка был, по словам бабушки, из богатой интеллигентной семьи и женился на ней, простой деревенской девке, вопреки воле родителей, когда ему было чуть больше двадцати лет, а ей не было ещё и 18 лет. Такой ранний и неравный брак привёл к полному разрыву деда со своими родителями. Дед был образован, играл на скрипке, бабушка не знала грамоты и научилась читать и писать от деда. У молодых сразу пошли дети – родили они 12 сынов и трёх дочерей. Дед работал деревенским учителем, а бабушка едва успевала рожать и кормить детей. Жили бедно, одежду носили не только младшие после старших, но и просто по очереди, не всегда были сыты и, тем не менее, вырастили до взрослых лет семь сынов и троих дочерей. Бабушка в молодости была очень красива и сохранила обаяние до самой смерти. Умерла на 93-м году. В семье есть предание, что в раннем её деревенском девичестве какой-то известный художник написал её портрет, и он якобы есть в Третьяковской галерее.

Жизнь не стояла на месте – в последние годы перед войной стало легче с одеждой: обновки появились у всех членов семьи. Впервые родители купили предметы мебели – диван и стулья. Конечно, это была скудная жизнь, так как работал только отец. Тем не менее – родители могли позволить себе отдохнуть на приморском курорте!

В 1937–38 гг. в нашем доме появилось электричество и радио (электрическая лампочка воспринималась такой яркой, как солнце). В 1939 г. в центре города построили многоквартирный пятиэтажный дом со всеми удобствами, открыли новый кинотеатр. На окраинных улицах открылись новые магазины.

В соседнем промышленном городе Краматорске, где работал отец, построили для своих работников соцгород – несколько кварталов жилых многоэтажных домов с просторными квартирами со всеми удобствами; там мы бывали в гостях у знакомых.

Практически при всех крупных предприятиях создавались клубы и дворцы культуры с разнообразными кружками для детей и взрослых. В таком заводском клубе в Краматорске устраивали для детей своих работников новогодние ёлки с подарками. Подарки вручали на сцене, мне досталась кукла, а предметом зависти была заводная машинка, доставшаяся знакомому мальчику. Там же впервые увидела балет, правда, в исполнении подростков, но впечатление было сильным. В нашем городе Славянске тоже было несколько предприятий, способных организовать и содержать такие клубы. В одном из них функционировал театр, дававший спектакли раз или два в неделю. Родители посещали, взяли как-то и меня, но впечатления не сохранились.

Клубы и дворцы культуры в жизни наших городков с честью выполняли возложенную на них роль, пользовались успехом во всех слоях населения, развивали интересы к творчеству и знаниям, расширяли кругозор людей. Можно над этим иронизировать сейчас, с позиций XXI века, но это было одной из составляющих культурной среды того государства, которое создал народ, во многом лишённый прежних культурных корней. Забота государства о всестороннем развитии личности дала свои плоды в последующие годы. Это было очень нужно – впереди была война.

В нашем кругу не обсуждалась возможность войны с Германией, финская война прошла незаметно, стороной, и её тоже особенно не обсуждали. С позиций сегодняшнего дня меня удивляет своё детское отношение к этой войне. Точно помню: никак не могла смириться с объяснениями её целесообразности, о необходимости отодвинуть границы от Ленинграда. Девятилетняя пацифистка разделяла идеологию построения социализма и считала недостойным вести наступательные войны государствам с такой идеологией.

Впрочем, помню, что в ещё более раннем возрасте не понимала и относилась с нетерпимостью к любым разрушениям. Даже любознательность не могла заставить сломать игрушку или вещь, чтобы посмотреть, что внутри – пыталась догадаться или донимала ближних вопросами. Точно знаю, что среди детей немало врождённых любителей ломать, и это не от воспитания. Наверное, человечество делится почти поровну на две группы: разрушители и берегущие.

И снится девочке сон: выхожу на крыльцо своего дома, не понятно, утро это или вечер, но вид на запад. Во сне точно осознаю, что это запад. Над горизонтом узкая полоса плотных туч, и из-за этой полосы показывается стая тёмных птиц, она всё разрастается, конца ей нет, наплывает, и уже видно, что это вороны. Вот они закрыли почти всё небо над головой, а из-за туч выплывают всё новые и новые стаи, часть из них делает разворот в полнеба и направляется на север. Всё так ярко и чётко, что поразило меня тогда сразу, и я помню этот предвоенный сон до мельчайших подробностей вот уже без малого 70 лет...

* * *

Славянск не бомбили в первые дни войны, поэтому о начале войны с рассветом 22 июня 1941 года мы не узнали. Был ласковый тёплый день. Вопреки обычаю нашей семьи выезжать по выходным на природу, в этот день все члены нашего сообщества, называемого для внутреннего пользования “двором”, были дома. В доме были и гости: отдыхал на каникулах папин младший брат Алексей, который учился в институте в Днепропетровске; у маминой старшей сестры гостили дочь Антонина с мужем, работавшие на химическом заводе в г. Дзержинске Горьковской области. Все занимались своими делами на открытом воздухе, спокойные и довольные. Для развлечения на воздух из нашего дома вынесли “тарелку” трансляционной радиосети. И вдруг гром среди ясного неба...

Сказать, что сообщение Молотова о нападении Германии на Советский Союз сильно встревожило всех, мало. Это сообщение в один миг изменило всю жизнь нашего подворья. В этот же день Антонина с мужем уехали в Дзержинск, а на следующий день уехал Алексей. Но в это время ещё никто из нас не мог и предположить последующего развития событий. Поначалу считали, что война скоро кончится, и мы непременно победим, потом с беспокойством слушали сводки о “спрямлении линии фронта”. Первыми забеспокоились знакомые евреи – эвакуироваться или нет. Соседи через дорогу, не раздумывая, уехали к родственникам на восток. Приехал с западных областей дедушкин племянник Гаврюша с женой еврейкой и устроили большой семейный совет – грозит ли опасность крещёным евреям. Помню, жена дяди Гаврюши много плакала, никто толком ничего не знал, точно ли, что уничтожают всех евреев, как развернутся события, захватят ли немцы наш город, или можно надеяться на остановку их продвижения. Решили не рисковать, и дядя Гаврюша с женой поехали дальше к своим дочерям в Крым. Уже после окончания войны узнала о судьбе этой женщины: уехать от немцев им не удалось, её схватили и убили на глазах мужа.

Школа приняла своих учеников как обычно – 1 сентября, но это была уже совсем другая школа. Чёткой картины этого времени память не сохранила, запомнилось ощущение одного большого серого безрадостного пятна и слёзы учительницы по поводу семейных бед. Её муж был мобилизован, и она узнала о его гибели.

Мобилизован был и ушёл на фронт и отец моего бывшего друга Гози, они с мамой остались вдвоём без всяких средств к существованию. Мама Гози была весёлой, беззаботной и хорошенькой молодой женщиной, рано вышла замуж, никогда не работала и не знала, как заработать на жизнь, которую она видела только через своего мужа – он “встретил зверя не убил, встретил Милу полюбил” (их любимая поговорка и стержень семейной жизни).

Мой отец работал на Новокраматорском машиностроительном заводе имени Сталина, почти все работники которого имели бронь и не подлежали мобилизации. По этой ли причине или по причине заболевания сердца отец не был мобилизован, но дома почти не бывал, а часто и не ночевал. Позже отец говорил, что на военную продукцию завод не успел перестроиться, а занимались они в основном демонтажом и эвакуацией на Урал оборудования и документации, кроме того, будто из работников завода сформировали подполье, куда включили и его. Так ли это или иначе, но наша семья не собиралась в эвакуацию, да и некуда нам было ехать, и невозможно было бросить единственное достояние – скудное жильё. Из тридцати подворий нашего квартала уехала только одна еврейская семья, остальные остались.

Когда начались бомбёжки железнодорожного узла и железнодорожной ветки в районе складских помещений, меня перестали пускать в школу. И не только по причине опасности, но и по здоровью – появился нервный тик лица и почти закрылся левый глаз. По пустынным улицам повела меня мама в поликлинику, которая, к счастью, ещё работала. Мы получили какие-то лекарства и рекомендации, а на обратном пути бегали с одной стороны улицы на другую и прятались под стенами домов от пролетающих со страшным воем снарядов. Наверное, хаотичный артиллерийский обстрел жилых кварталов предшествовал отходу советских войск.

Наши войска ушли не колоннами, просто незаметно покинули город, по ходу взрывая склады, магазины и промышленные постройки, из-за ясной погоды дым стоял чёрными столбами. Немцы ещё несколько дней не входили в город, чем воспользовалось население, подбирая в развалинах складов и магазинов уцелевшие от взрывов и пожара товары и продукты, которые уже негде было купить, а городское население ещё не научилось делать запасы – что купил в магазине или на рынке, то и съел.

Обеспокоенные отсутствием средств существования и поддавшись возникшему на улицах города ажиотажу по добыванию чего-нибудь из продуктов, мама с младшей сестрой Олей запряглись в тачку. Раньше пользовался тачкой только дедушка, смастеривший её для хозяйственных нужд по саду и огороду, а также для поездок на рынок за крупными покупками. Это был дощатый ящик с огромной дугообразной ручкой по торцу и укреплённой по дну одной осью, на которую насажена пара больших колёс с обыкновенной телеги; в дугу ручки могли стать один или два человека и тащить тачку не хуже лошадей. Такие тачки получили самое широкое распространение в период оккупации, да и в течение всего военного времени это был основной и почти единственный транспорт во всех случаях жизни. На тачках возили землю и продукты, больных и детей, покойников на кладбище, на них же ездили “менять” – в деревню за нехитрыми продуктами в обмен на оставшиеся с мирного времени вещи. На тачки в первую зиму оккупации собирали с улиц города опухших и умерших от голода людей.

Мама с Олей запряглись в тачку и отправились туда, где горит. За две поездки привезли они несколько мешков частично сгоревшей пшеницы и бочонок жидкого жира без вкуса и запаха не установленного происхождения. Эти трофеи, вместе с заложенными осенью в погреб картошкой и свеклой, дали нам возможность пережить страшную голодную зиму 1941–42 гг.

Ажиотаж по добыванию продуктов и разбору товаров в развалинах складов и магазинов продолжался не более трёх дней, превратившись внезапно в настороженную тишину и полную безлюдность улиц. Пожары догорели, ни воя снарядов, ни рокота техники, ни звука по радио – ничего, полная тишина и полная неизвестность. Ночью из Краматорска пришёл пешком отец (рабочие

поезда перестали ходить), рассказывал, как отправлял с железнодорожной платформы завода последние вагоны с оборудованием в эвакуацию на Урал.

Тишина была нарушена внезапно бравурным маршем, как гром с ясного неба в душу, сопровождавшим колонну немцев. Население нашей улицы смотрело на это шествие из-за заборов, и я нашла щель в своём заборе, через которую с любопытством наблюдала. Естественно, первое наблюдение дало чисто внешнее впечатление: фашисты все были в сапогах и ладно сшитых мундирах холодного серо-зеленоватого тона, придававшего дополнительную устрашающую строгость их воинственному облику. Несмотря на всю внешнюю щеголеватость солдат, показались неуместными толстоватые перчатки на их руках, так как была ещё не поздняя осень и достаточно тепло, и уж совсем не отвечало моим понятиям о воинской дисциплине то, что некоторые солдаты курили на ходу прямо в строю, не снимая перчаток. Дальше нам пришлось хорошо разобраться в сути и характере завоевателей.

Колонна пришельцев рассыпалась по дворам нашей улицы, и сразу стало шумно: послышались резкие выкрики на чужом языке и на странном русском с незнакомым акцентом, встревоженное кудахтанье кур, почуявших свою гибель под немецким ножом, жалобные голоса жителей, их причитания и плач. Дома в нашем подворье были неказисты, не зажиточны, и, возможно, поэтому к нам заглянули не сразу. А так как мы не держали никакой живности, и кур в нашем подворье не нужно было ловить, первая беседа с завоевателями была чисто деловой и односторонней – нам сообщили, чтобы освободили комнату для постоя солдата немецкой армии. Именно солдата, так как распределение на постой осуществлялось в соответствии чину. Постоялец явился неделю спустя и расположился в бывшей моей комнате по решению родственников; наша квартира была самой малонаселённой. К счастью, это был простой солдат – очень молодой, достаточно доброжелательный и контактный.

Первой жертвой оккупации в нашей семье явилась моя страдавшая с начала войны психическим расстройством тётя Маруся. Она, ускользнув из-под опеки бабушки, отправилась в центральную часть города знакомиться с новыми порядками. Позже до нас дошли слухи от очевидцев, что она зашла в какую-то новую немецкую контору и стала стыдить пришельцев, обзывать их захватчиками и грозить, что она уйдёт в партизаны, и весь народ туда уйдёт. Больше мы её не видели, и узнать о её судьбе возможности не было. Позже мы, сопоставив сведения о новых “хозяевах”, поняли, что, даже разобравшись в заболевании тёти Маруси, её всё равно убили, так как эти “культурные” европейцы не признавали права на жизнь больных, инвалидов и прочих “неполноценных” людей. Круг этих “неполноценных” с их точки зрения был очень широким, и рамки этого круга с лёгкостью расширялись в любую удобную им сторону.

Спустя недели две после вступления в город захватчиков на наше подворье ворвалась группа немецких солдат и побежала с бесцеремонным обыском по всем постройкам и закоулкам подворья, хватали, что нравится, кричали и плевались, громко испускали ветры. У деда со времён его занятия извозом сохранилась линейка. Это улучшенный вариант телеги для пассажиров, которую дед хранил как дорогой для него экспонат. Так вот, эта линейка и приглянулась непрошеным посетителям. Дед попытался воспротивиться захвату своего экспоната, за что в ту же секунду у него выдрали половину бороды. Оккупанты не считали нас за людей, не щадили ни старых ни малых.

Немедленному уничтожению подлежали евреи, врождённые инвалиды, умственно отсталые и многие другие люди с неординарным поведением, остальное же население было отнесено к “неполноценным”, с них можно брать всё, а как они будут выживать – их личное дело. Об организации жизни людей не было даже намёка, подвоза продуктов питания в город не было, в окрестных сёлах весь транспорт (в основном лошади) был реквизирован в пользу немецкой армии. В сельскую местность промышленные товары тоже не привозились. И потянулись вереницы менял, запряжённых в тачки. Город пытался хоть как-то прокормиться, а сельские жители, экономя на собственном питании, старались получить возможный минимум товаров.

К зиме ситуация стала катастрофической. За горсть картофельных очисток отдавалась хорошая носильная вещь – платье или туфли. Внезапно ценным продуктом и лакомством стали круги подсолнечного жмыха, который реализовывался небольшими ломаными кусками. Жмых непонятными путями

попадал населению с маслобойных заводиков, которые только и работали в городе, отжимая подсолнечное масло для отправки в Германию. На улицах появились опухшие от голода люди, валялись трупы умерших. Самым оживлённым и необходимым для жизни горожан стал рынок. Но и самым опасным. Систематически на рынке немцами устраивались облавы, хватали всех, кто не успевал убежать. Самых молодых и здоровых отправляли на вокзал, заталкивали в товарные вагоны и отправляли в Германию в качестве рабов, остальных уничтожали. Под такую облаву попал папин младший брат, которому едва исполнилось шестнадцать лет. Ему удалось выжить, и он после освобождения до конца войны служил в Красной Армии. После окончания войны он и рассказал нам о тех событиях.

В качестве рабыни была вывезена в Германию и дочь мужа маминой сестры — Надя Соляникова, 14-летняя девчонка. После окончания войны она вернулась домой и выглядела не как девушка 18 лет, а как измождённая женщина средних лет. Её вид страшно поразил меня, уж не говоря о её рассказах про жизнь в Германии, а ведь она старалась не шокировать моё девчоночье сознание. А шокировать было чем, не буду передавать — это не моя, а её память.

Контактный немецкий солдат, поселенный в нашу квартиру, по его словам, служил денщиком, и звали его Кмициц. Отличался он от остальных немцев доброжелательностью и сразу нашёл необходимый для нашей семьи человеческий дружеский тон, мало того, взял нас под свою опеку, а с другой стороны — с большим удовольствием пользовался преимуществами жизни в семье, вплоть до разделения трапезы. Основой питания в нашей семье были пышка из зёрен пшеницы, смолотой вручную, испечённая на “костном жире” и разделённая на дневные порции для каждого члена, суп-затирка из тех же зёрен и на десерт варёная или запечённая сахарная свёкла или её отвар, выпаренный до сладко-горьковатой консистенции. Других сладких продуктов у нас не было.

Свёклу мама со своей сестрой ездили копать на тачке на покрытое снегом брошенное колхозное поле на окраине города. Копать было очень трудно, так как земля окаменела от сильных морозов, но каким-то чудом часть корней сохранилась свежей, и их прятали в погребе под слоем земли с песком, а подмёрзшие хранили во дворе в снегу, тщательно заматывая следы схро-на. Все продукты необходимо было прятать от периодических налётов, которые предпринимались для пополнения солдатских пайков. Кмициц всегда предупреждал нас о возможном налёте немецких фуражиров и подсказывал, как лучше спрятать скудные продукты. Как-то отец услышал, что наш немец поёт “Интернационал”, и они с мамой долго гадали, провоцирует он нас или это от души, тем более странным казались его горделивые сообщения, что Гитлер будто бы выезжает на боевые позиции, а Сталин нет. Очень хвалил Ленина, и это тоже было непонятно, да и вообще трудно точно понять человека, если половину своих убеждений он объясняет знаками.

Все сидели по своим норам и всеми силами старались выжить, благо в доме было тепло, так как уголь успели привезти ещё летом, как и делали это постоянно в мирное время. Утро начиналось с похода мамы на чердак, где было спрятано под хламом рассыпанное тонким слоем прямо на замазанный глиной потолок частично сгоревшее зерно. В сито набиралась дневная норма, просеивалась от пыли и рассыпалась по столу. Далее моя обязанность — вы-брать из мусора и сгоревших зёрен полноценную пшеницу.

Ощущения постоянно сосущего голода не помню, но пища не давала ощущения довольства. Один раз Кмицицу удалось убить прилетевшую на дерево, стоящее во дворе, птицу, и, невзирая на то, что это была ворона, её ощипали и сварили суп. Он мне показался вкуснее довоенного куриного.

Весной нам стал грозить настоящий голод. Отец решил вспомнить опыт 32-го голодного года и сбежать из города подальше от фронтовой полосы, туда, где ещё можно найти хоть какие-то средства пропитания. Мы с мамой остались одни. Чем мы питались около месяца, не могу припомнить, нервное напряжение совершенно стёрло всё из памяти в это время.

“Очнулась” я с появлением отца с кругом подсолнечного жмыха в мешке и ведёрком совершенно невероятных продуктов: узел с домашним творогом, небольшой кусочек сливочного масла и несколько домашних хлебов. Вернулась память и интерес к окружающему миру.

Деревня, где отец нашёл работу в МТС и куда перебрались мы с мамой, называлась Швейцария. Название не случайное, дома этой небольшой деревни были разбросаны отдельные группами среди живописных довольно высоких холмов, покрытых густой растительностью и степными травами. Дом, в котором мы жили, стоял обособленно на обочине грунтовой дороги, рядом небольшой огород, а за домом начинались холмы. Как выяснилось летом, эти холмы были покрыты зарослями каких-то небольших душистых кустарников и полянами степной клубники. Среди холмов проходила грунтовая двухкилометровая дорога к МТС, там же начинались и бывшие колхозные поля.

Немцы оценили выгоды посева сельскохозяйственных культур для нужд Германии на больших полях, не стали их делить, а по повинности набрали для работ бывших колхозников, не разорили и МТС, сохранили технику, которой занимался отец. В МТС было даже несколько советских стареньких полупорок, которые чинили без конца, но своей техникой немцы не давали. На одной из этих полупорок под видом, а возможно, и действительно для нужд МТС, отец ездил к Азовскому морю и привёз оттуда небольшую бочку солёных килек, ставших золотой валютой для нашей семьи. На кильки можно было выменять в деревне любые продукты, даже мёд.

С наступлением тёплой погоды отец съездил в город за некоторыми необходимыми вещами и привёз к нам в деревню жить свою маму и жену маминного старшего брата с дочерью девичьего возраста. Мамин брат и его девятнадцатилетний сын служили в Красной Армии, об их судьбе женщины ничего не знали, а в разрушенном Славянске были совершенно беззащитны. Если немцы узнавали, что глава семьи или сын служили в Красной Армии, то семье угрожало не только тяжёлое издевательство и притеснение, но даже и смерть. Моя сестра Алла была очень хороша собой и так запугана, что даже в деревне старалась не попадаться людям на глаза, а тётя Ксения стала работать поварихой в крошечной столовой, организованной отцом при МТС для полевых рабочих, слесарей и механиков. Я довольно часто ходила пешком в МТС, чтобы проведать тётю Ксению, не без основания надеясь, что она угостит меня вкусным борщом.

Бегала босоногая девчонка по пыльным дорогам, ела какую-то траву, ходила по холмам за степной клубникой, лакомилась прежде неизвестным паслёном, который мама специально сохранила среди картошки на огородике возле дома, купалась в карьере, образовавшемся после добычи белой глины.

Подходила осень, нужно было идти в школу, но в деревне школы не было. Тётя Ксения с дочерью остались в Швейцарии, а нас с мамой и бабушкой отец перевёз в крупную деревню Саксагань, где тоже функционировала МТС, в которой он нанялся механиком по ремонту сельхозтехники. Из воспоминаний о Саксагани наиболее рельефными и жизненными остались посещения местного сыроварочного заводика и прохождение линии фронта. У немцев в Саксагани, как и на всей оккупированной территории, основным лозунгом было “всё для Германии”. Жители, имеющие коров, были обложены податью в размере 6 литров молока в день с одной единицы населения независимо от возраста, пола и времени года. Можно сдавать в счёт будущего времени, а нет молока – плати или сдавай мясо. При этом всё, в смысле объёма продуктов, было прекрасно организовано, никакие потери не допускались. Привезли оборудование и открыли в центральной части деревни заводик по выработке сыров, сюда шло реквизированное у населения молоко. На этом заводике работала хозяйка нашего очередного жилья, и она уловила момент, когда не было надзора, чтобы повести меня туда на экскурсию. Всё очень просто, чисто и рационально: молоко сразу выливалось в чан на колёсиках, каждый наполненный перевозился в зал, где производилась закуска, тут же отцеживали сыворотку, но не выливали, а каждый сдающий молоко забирал её для прокорма скотины. Не брать её было опасно – сурово наказывали, ведь и скотина выращивалась для Германии. Отжатую массу прессовали в металлические круглые формы, а то, что выходило за стыки форм, собиралось и шло в оплату работающим, дальше технология созревания и отправка в Германию. Обрезками от немецкого сыра меня угостили, показалось очень вкусным, но пресноватым. Но каково работать за обрезки? Хотя к тому времени уже была введена в оборот марка, но не германская, а специальная оккупационная для подвластного населения.

К моменту подхода линии фронта мы жили ещё с одной приезжей семьёй в казённом здании на окраине деревни. На восток от дома открывалась ничем

не заслонённая широкая панорама на поля с холмами с подъёмом общего уровня к горизонту. На этой панорамной картине под лучами яркого летнего солнца и разыгралось настоящее танковое сражение параллельно с воздушным боем авиации. Расстояние было большое, звуки боя очень тихими, а техника по размерам выглядела детскими игрушками, взрывы – хлопками пистонов, и невозможно было понять, где чья сторона, кто наступает, а кто обороняется. Страшно от сознания, что там живые люди, и завораживающее картинное, прямо “киношное” зрелище. Как отходили гитлеровские войска, мы на своей окраине не видели, равно как не видели и прихода советских войск.

... Домой добирались с пересадками и остановками, пожили в Днепропетровске, почти на полгода задержались в областном городе нашего района Сталино, где я, наконец, попала в настоящую школу, а отец начал работать почти по специальности – инженером на шахте. Мама тоже работала товароведом в шахтёрском тресте. Работа родителей обеспечила нам достаточно приличное по тем временам материальное существование. Оказалось, что я очень отстала в знаниях по русскому языку и географии, на первом же диктante получила двойку, пришлось усиленно заниматься, компенсировать большие пропуски в занятиях и влияние украинской деревенской среды, поправлять русскую речь. Город Сталино (теперь Донецк) мне очень нравился, нравилась и школа, появились друзья, а родителям хотелось домой, и мы уехали к себе в Славянск.

Здравствуй, родная школа, и даже старые знакомые дети, хотя состав сильно изменился, появилось много новых ребят и девочек, обзаводилась новыми друзьями. Мама нашла работу в Славянске, а отец ещё некоторое время поездил по городам области в поисках начавших работать заводов. Его перемещения окончились, как только начали восстанавливать Новокраматорский завод, где он до войны работал и куда очень стремился.

Война ещё шла, а тут, уже в глубоком тылу, бурно началось восстановление промышленных предприятий, разрушенных городских построек, налаживание жизнеобеспечения населения. Откуда только брались средства, ведь шла война с её катастрофическими расходами. Этим, я думаю, отличается своя родная власть от власти захватчиков и оккупантов, что заботится о работе и зарботке только для своего народа. Восстановили радиовещание, радиовещание объявлялись о салютах в честь освобождения городов. Снабжение по карточной системе было не шикарным, но вполне достаточным, я, девчонка, не думала о голоде, а даже рассчитывала на какие-то сладости, ходила одетой и обутой. Иногда выдавались коробки американской помощи со сладостями и “деликатесами” или бывшая в употреблении, но вполне приличная одежда оттуда же, а вокруг были свои доброжелательные люди, и жизнь постепенно входила в свою привычную нормальную колею.

Трудно описать поведение людей в тот светлый весенний день в мае, когда объявили о Победе и окончании войны с Германией. Это было не просто ликование, а пляска на пределе всех возможных чувств и порывов. Я не могу передать эмоции настрадавшихся людей, просто нужно было участвовать в этом, а потом всю жизнь помнить.

И потекла река мирной жизни. На бывших оккупированных территориях всё было в развалинах: промышленные постройки, большинство административных зданий и значительная часть жилых домов. Наземные дороги в жутком состоянии, а железные не только разрушены, но и почти с полным отсутствием подвижного состава и станционных построек, ведь вокзалы и пристанционные склады были взорваны оккупантами или разрушены бомбёжками. В деревнях почти не осталось крупного и мелкого скота, разрушилась структура колхозов и совхозов, почти не осталось сельскохозяйственной техники, а оставшаяся устарела и требовала постоянного ремонта при полном отсутствии запасных частей. Организовывать жизнь на этих территориях приходилось практически с чистого листа, а людям необходимо ежедневно есть, одеваться, учиться и работать.

В школе до седьмого класса училась без особого усердия, даже сбегала с занятий, как и многие в те годы. Сказывались общее настроение облегчения после войны и некоторая безалаберность после пережитых опасностей. Даже преступность после окончания войны сразу поубавилась, хулиганы притихли, и мы, подростки, не боялись вечерами ходить по улицам, бегали с уроков и вечерами в только что отстроенный кинотеатр, а в школе занятия для

классов старше пятого зачастую проводились во вторую смену. В центре города восстановили из развалин несколько домов, а на центральной площади шли службы в старинной церкви, открылось несколько магазинов, и в нашем квартале восстановили здание магазина и “отоваривали” в нём продуктовые и промышленные карточки. Карточки так прочно вошли в быт, что казалось невероятным после их отмены в 1947 году просто зайти в магазин и купить необходимое. Даже без особой нужды бегала в магазин, получая удовольствие от возможности свободно что-то купить.

Разрушенное сельское хозяйство, медленное восстановление ресурсов села, а возможно, и плохой урожай в отдельных регионах привели к концу 1947 года к нехватке продуктов питания, было голодно. Не спасли положение даже выращенные овощи и кукуруза на небольших огородных наделах, предоставляемых на сезон. Переживали нехватку продуктов, кто как мог. В нашей семье варили кукурузные зёрна, пекли кукурузные лепёшки, в рацион вошли жёлуди во всех видах: высушенные и промолотые добавлялись в кукурузную муку, распаренные в духовой употреблялись как десерт, поджаренные молоты на порошок для кофейного напитка. Но даже в это трудное время было много хорошего. Папе на заводе дали для мамы бесплатную путёвку в санаторий под Киевом.

С нового учебного года ввели отдельное обучение девочек и мальчиков. Моя родная красивая трёхэтажная школа стала мужской школой, а женскую школу разместили в некрасивом барачном одноэтажном здании на окраине города за веткой железной дороги, проложенной на Славкурорт. Это была маленькая трагедия, вскоре растаявшая под впечатлением нового коллектива, новых преподавателей и с появлением новой устойчивой группы подруг. Пришёл интерес к учёбе, появилось сознание необходимости успешного закрепления знаний, даже казалось, если освоить и запомнить абсолютно всё, что преподаётся в школе, то лучшего образования и не надо. Очень наглядно показала ошибочность таких мыслей всеми нами любимая преподаватель по химии, нарисовав на доске точку и несколько концентрических окружностей. Точка — это отлично усвоенные знания в школе, а каждый круг — ступени познания, и чем больше круг, тем больше непознанного за его полем. Перебирая воспоминания, думаю, в этой некрасивой школе сложился прекрасный коллектив преподавателей, которых с позиций взрослого человека невозможно упрекнуть ни одним словом.

Последние школьные годы были наполнены только радостью. Один за другим исчезали шрамы войны, одеты, обуты, сыты, все нас любят, все заботятся о направлении нашего развития, нацеленного в благополучное будущее. Построение школьной программы, книги лучших современных авторов (“Повесть о настоящем человеке”, “Молодая гвардия”), фильмы, радиопередачи — всё было направлено на воспитание в нас честности, самоотверженности, любви к Родине, трудолюбия и уважительного отношения к знаниям и старшим товарищам. Советская идеология того времени, бесспорно, работала на лучшее будущее. Мы были искренними и очень активными комсомольцами, в те времена диссидентского духа даже в помине не было. Родители иногда бухтели о чрезмерном восхвалении в газетах и по радио личности Сталина, но у меня было стойкое понимание необходимости такого человека для благополучия страны, а говорят пусть что угодно. Мало того, я и тогда в своих размышлениях опасалась того времени, когда его не станет, мне казалось очевидным возникновение какой-то чехарды в управлении страной. Откуда взялись такие “государственные” размышления у зелёной девицы?

Закончив школу, я поступила в Харьковский авиационный институт. Окончилось моё детство, пришедшееся на годы мира и войны.